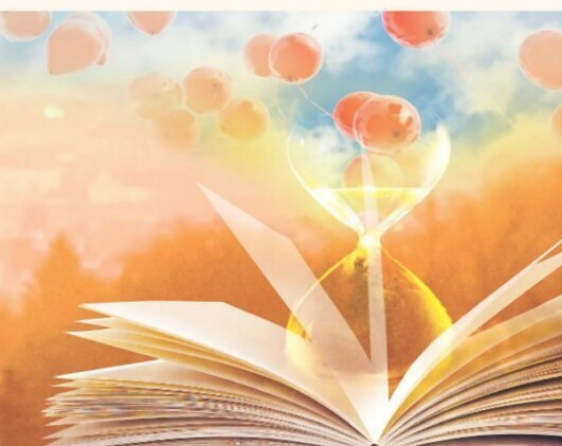

АЛЬМАНАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Литературные встречи

В номере:

Мария Аверина
Олег Александров
Ирина Асеева
Борис Бартфельд
Татьяна Бирюкова
Ольга Василевская
Юлия Великанова
Дмитрий Воронин
Вероника Воронина
Юлия Грачёва
Игорь Григоров
Алёна Даль
Юрий Егоров
Оля Жданкина
Наталья Зеленина

Юрий Иванов
Вера Линькова
Михаил Малов
Сергей Мельников
Саша Нефертити
Саша Никонов
Ирина Ордынская
Екатерина Полянская
Валерия Приозёрская
Игорь Рыжов
Тамара Селеменова

1 / 2023

Коллектив авторов

**Альманах современной
русской прозы и поэзии
«Литературные встречи» №1**

«У Никитских ворот»

2023

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Коллектив авторов

Альманах современной русской прозы и поэзии «Литературные встречи» №1 / Коллектив авторов — «У Никитских ворот», 2023

ISBN 978-5-00170-894-0

Второй выпуск альманаха современной русской прозы и поэзии «Литературные встречи». В рубриках «Проза», «Про детей», «Поэзия», «Переводы», «Литературоведение», «Наша библиотека» представлены следующие писатели: Мария Аверина, Олег Александров, Ирина Асеева, Борис Бартфельд, Татьяна Бирюкова, Ольга Василевская, Юлия Великанова, Дмитрий Воронин, Вероника Воронина, Юлия Грачёва, Игорь Григоров, Алёна Даль, Юрий Егоров, Оля Жданкина, Наталья Зеленина, Юрий Иванов, Вера Линькова, Михаил Малов, Сергей Мельников, Саша Нефертити, Саша Никонов, Ирина Ордынская, Екатерина Полянская, Валерия Приозёрская, Игорь Рыжов и Тамара Селеменова.

УДК 882
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00170-894-0

© Коллектив авторов, 2023
© У Никитских ворот, 2023

Содержание

Проза	6
Вероника Воронина	6
Игорь Григоров	9
Алёна Даль	15
Юрий Егоров	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Егоров
Альманах современной русской прозы
и поэзии «Литературные встречи» № 1

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2023

© Коллектив авторов, 2023

* * *

Проза

Вероника Воронина

Московская область

Край земли, где гуси говорят с ушедшими

Третий день что-то неясное тяготило и беспокоило. Словно неладное уже случилось, но ещё не узнано. А потом мне приснился дед-помор. Я наконец-то приехала к нему в гости, как давно собиралась, в деревню под Архангельском, в которой не была со смерти бабушки.

Встреча наша наполнилась радостью, но и печалью. Дед обнял меня, щекоча бородой, и я почувствовала привычный солёный запах моря и табака.

Мы были на его карбасе – большой парусно-гребной лодке. Палуба покачивалась под ногами. Долго плыли сквозь туман. У руля сидел хмурый немногословный старик. В вязаной рубахе, портах и бахилах с длинными голенищами, он выглядел выходцем из далёкого прошлого.

– Товарищ мой, вож корабельный, – представил его дед. – По-вашему лоцман.

Я поздоровалась.

– И ты путём-дорогой здрава будь, – ответил он.

Туманная дымка на море становилась гуще. Мелкие капли мороси оседали на одежде. Убаюкивающе плескалась вода. Где-то в вышине кричали гуси.

– Не в Гусину ли Землю подалися? – вымолвил дед.

– Не иначе, – кивнул вож.

– Я знаю, – оживилась я. – На карте видела. Это полуостров где-то тут, у вас, в Архангельской области!

Дед фыркнул.

– Много ты понимаешь, дитя! Та Гусиная Земля – это одна, тутошняя. А эта совсем другая – тамошняя.

– Что за тамошняя земля?

– А вот что, – дед помолчал и продолжил, как песню запел: – Поморам Студёно море испокон веку кормилец и поилец, начало и конец. Неогляден простор морской. И есть дальний северный край, что зовётся Гусиной Землёй, – туда уходят души хоробрых и добрых людей. И туда прилетают гуси, чтобы говорить с ушедшими. И доставлять о них весточки живым.

– То есть это поморский рай такой? А гуси – ангельская почта?

– Дурёха ты! – беззлобно сказал дед.

– Как думаешь, баба Нина там сейчас? – неожиданно для себя спросила я и тут же пожалела о сказанном.

– Там, – уверенно и спокойно ответил дед. – Где ещё ей быть, родимой?

Мы всё плыли и плыли. Сложно было представить, как старики ориентировались в таком тумане.

Будто услышав мои мысли, дед проговорил:

– Хмаря такая, точно Варлаам жену везёт.

– Что?

– Присловье такое, дитя, когда густой туман сходит.

– И куда Варлаам везёт жену?

– Попотчую тебя былиной-старинной. То наш – стал быть, и твой – поморский святой, покровитель мореходов. Вот послушай-ко, что раньше люди говорили... Отец Варлаам родился в Керети, на Лопском берегу, был настоятелем в Коле. Жил там в мире и любви со своей хозяйшкой, был добрым пастырем прихожанам. Как-то изгнал беса с Абрам-мыса. Да бес тот, уходя, проклял его. И пришла беда. Сказывают, будто хозяйка Варлаама бесноваться стала, он пытался беса-то изгнать да и убил её нечаянно.

Дед помолчал.

– И так сокрушён был Варлаам этим деянием, что сам себя наказал непомерно: плавать по морю с гробом убиенной, доколе тело не истлеет, моля Бога об отпущении греха, – дед раскурил трубку. – Быстро срядился Варлаам и отворил паруса. Путь его лежал от Керети до Колы и обратно. Так сокрушалось сердце его, что путь этот был всегда против бууревания, через непогоду. Посему присловье бытует: «Пошёл, как Варлаам, против ветра». Много лет он скитался, покуда не искупил грех и не вымолил у Бога прощения. А кой-кто сказывает: и донине карбас тот плавает. И будто подвластны Варлааму ветра и туманы, – проговорил дед со значением. – Отсюда давношнее поверье: коль сгущается туман, то Варлаамьева лодья подходит.

Дед продолжил совсем тихо, после долгой паузы.

– В моём детстве старики баяли: Варлаам пособляет дорогу найти и живым, и тем, кого море взяло. Одним – домой, другим – на тот свет.

Поблизости снова прокричали гуси.

Старый помор кивнул в ту сторону:

– Знамо, в Гусиную Землю. Деды так сказывали.

– Ты в это веришь? – недоверчиво спросила я.

– Нешто не верить! – обиделся он. – Наше море-то Студёное уж больно норовисто да переменчиво. И тут иначе не скажешь: кто в море не плавал, Богу не молился.

Мы плыли ещё какое-то время, прежде чем туман стал постепенно рассеиваться. Сквозь прорехи уже открывалось небо.

Вож сказал:

– Уже близко.

Дед вдруг заторопился.

– На-ко, смотри-ко, дитя, что у меня тебе припасено. – И осторожно вынул из-за пазухи свёрток.

Я развернула его и залюбовалась. Там была деревянная поморская птица. Та, которую подвешивают под потолком на счастье. Длинной шеей и изящно выточенным станом фигурка походила на звонкую да ладную летучую ладью с ажурными крыльями-парусами. Птица-ладья!

– Для тебя сделал.

Как я любила этих птиц в детстве! Казалось, подбрось – и взлетят, трепеща крыльями. Но они были слишком хрупкими для моих пальцев. Так что мне позволялось лишь смотреть, как они кружились под потолком от легчайшего ветерка.

– Спасибо, дед!

– Здоровья тебе на всех ветрах!

Он обнял меня, снова уколол щёку бородой.

– Ты что, прощаешься?

Дед не ответил. Туман продолжал расходиться. Неясно проявлялся берег.

– Где это мы? – я огляделась.

На показавшемся берегу в ожидании стояла женская фигура.

– Ой, неужто это?..

– Негоже тебе туда смотреть! – неожиданно прикрикнул вож.

По странной логике сна я тут же отвернулась без возражений.

– Теперь пойду, – вымолвил дед и, не дожидаясь, пока лодка подплывёт ближе, прыгнул за борт.

Вож разворачивал карбас прочь от берега...

Под утро меня разбудили непривычные для города звуки – крики пролетающих диких гусей. Они звучали как прощание.

Тревожное ожидание беды растворилось. Я лежала, нежась в остатках сна, как в тёплых заботливых руках. Лишь долгую минуту спустя до сознания дошло: у меня никогда не было деда-помора!

За окном начинало светлеть. В высоком небе плыли громады облачных птиц-кораблей. Они неслись к северу на всех парусах.

Игорь Григоров

г. Архангельск

Гостиница

– И всё-таки у вас здесь странно – скажете, нет?... Не то чтобы мне и вправду было как-то удивительно оставляющие места для стен, на обилие часов всех видов и мастей – от напольных и настенных до настольных и даже наручных, щедрой рукой рассыпанных по всем горизонтальным поверхностям, сплошь зеркальным. Или я мало видел сдвинутых декораторов? Часы – бзик вполне безобидный. Мне просто хотелось, чтобы хозяйка гостиницы перестала возиться с моим паспортом, подняла свои зелёные глазищи и улыбнулась.

Хозяйка гостиницы перестала возиться с моим паспортом, подняла свои зелёные глазищи и улыбнулась.

– Правда, странно? Вот классно, я так и задумывала! Так что вы меня порадовали, и будет вам за это приз!

В принципе, улыбка и сама по себе вполне тянула на приз. Да и в целом начало моего отпуска можно было считать удачным.

Во-первых, выяснилось, что этот забытый Богом городок забыт им не полностью: сюда была протянута железная дорога. И по дороге с периодичностью немногим чаще, чем раз в вечность, ходили поезда. Точнее, поезд: локомотив и два вагона – даже не знаю, для чего был предназначен второй вагон, все три путешественника на край света вполне разместились бы в одном купе первого. И конечно, добрый кусок пути путешественники строили предположения о таинственном содержимом второго вагона. Причём с каждой верстой, отдалявшей нас от безопасных благ цивилизации, содержимое вагона становилось всё более загадочным и опасным. Хорошо, что дорога оказалась недолгой и мы не успели как следует напугать друг друга. Правда, в самом конце пути выяснилось, что путешественник здесь только я и мои попутчики

только выглядели пришельцами из далёких стран – на деле они были вполне себе местными жителями.

Во-вторых, в городке оказалась гостиница, при этом всего одна, что автоматически делало её лучшей в городе. Но ведь будь гостиниц в городке хоть на одну меньше – и где бы я ночевал?!

В-третьих, наконец, в гостинице оказалась одна чертовски обаятельная хозяйка и масса свободных мест. То есть вообще все места были свободными. Как объясняла хозяйка, «не сезон». С ума сойти, оказывается, здесь бывает «сезон»! Вероятно, в город слетаются штук пять, а то и шесть туристов и в городе становится не протолкнуться. Мы немного посудачили с хозяйкой о проблемах больших, человек на триста, городов, и как там трудно обитать – эти вечные толпы, страшные давки в очередях и ужасные пробки на дорогах, – и как спокойно и счастливо можно жить вот здесь, в этом дивном городе вообще и в этой гостинице в частности, – и я, спокойный и счастливый, как вообще, так и в частности, пошёл занимать свой номер, а хозяйка направилась, вероятно, готовить обещанный приз.

Однако не тут-то было. Сразу занять номер мне не удалось. Стрелки большей части часов как раз дошли до какой-то известной им одним круглой цифры, и мир вздрогнул. Сначала дружно вступили напольные гиганты с фортепианными и духовыми партиями. Парой тактов позже подтянулись часы настенные – преимущественно струнные. Через промежуток времени – достаточный, чтобы неторопливо произнести фразу «Охренеть можно», – мы с хозяйкой погрузились в атмосферу Большого Симфонического Оркестра – все три слова с большой буквы. Часы воспроизводили «Венгерский танец» Брамса, и делали это с душой и венгерским темпераментом. Я остановился, так и не дойдя до лестницы с зеркальными ступенями, что вела на второй – он же последний – этаж, и некоторое время ошалело оглядывался, по-моему даже облизывался, не знаю почему. Часы играли здорово, особенно те, что отвечали за партию струнных инструментов. Я понял, что напрасно в моём детстве родители не заставили меня научиться играть на чём-нибудь изысканно-струнном либо огненно-медном: ощущения человека, оказавшегося внутри симфонического оркестра, были непередаваемы.

– Вам понравилось? Правда же очень красиво?

Голос хозяйки, вернувший меня в реальный мир, сочился мёдом, но в глазах, не могущих принадлежать к реальному миру, плясали чертенята.

– Мр-мр-мр...

Я уже почти пришёл в себя и оглядывался по сторонам взором ещё диковатым, но уже вполне осмысленным.

– Да уж! И много мелодий они знают? Репертуар, надеюсь, на уровне?

– Они вообще никогда не повторяются! Каждый раз что-то новое! Хотя нет, однажды я их поймала. Когда они думали, что в гостинице пусто, они устроили целый концерт! Что называется, для души.

– И чего же просит их душа?

– Не поверите, для себя они играют джаз! Причём в основном Гершвина...

– Поразительно! Это и был ваш приз?

– Это был сюрприз, и даже не от меня. Все ваши призы ещё впереди! Так что устраивайтесь и возвращайтесь!..

И я снова пошёл устраиваться, стараясь двигаться по лестнице на максимальном удалении от расставленных вдоль неё часов.

Устраиваться в гостиницах я умею – опыт, господа! При желании и совсем небольших средствах любой номер можно превратить во вполне уютное жилище. Приличный эстамп на стену, пара фотографий в рамках на стол, несколько памятных безделушек на тумбочку и цветы с ближайшей клумбы в вазу – и вот вы уже не в близком гостиничном номере, а практически дома.

За этими приятными размышлениями я дошагал по второму и последнему этажу до своего номера и не без любопытства открыл двери: очень интересовало меня, какие сюрпризы прячутся внутри. А в наличии сюрпризов я почему-то не сомневался.

Сюрприз был всего один, но зато глобальный: номер был полностью готов для моего проживания. Причём именно моего, и ничего больше. Как будто здесь ждали именно меня, причём ждал меня некто, хорошо со мной знакомый, – например, моё второе «я».

Только моё второе «я» могло повесить на стену – причём в единственно правильном месте – такой чудный офорт. Только моё второе «я» могло так подобрать цветы, чтобы они гармонировали с моим настроением – независимо от моего настроения. Что касается безделушек, раскиданных по столику, полке и тумбочке, то я на всякий случай раскрыл свою походную сумку, дабы убедиться, что мои безделушки на месте.

Мои были на месте и были чертовски похожи на гостиничные, но рядом с ними выглядели ширпотребом на фоне музейных экспонатов. Хотя вовсе не были дешёвыми. Я немного подумал и спрятал свои игрушки обратно в сумку.

Широкая низкая кровать была застелена покрывалом вишнёвого цвета, вишнёвым был и длинный, в пол, очень тёплый халат. Словом, моё второе «я» ничего не забыло, вообще ничего. Всё было как раз так, как нужно, то есть так, как не могло быть. Но было.

Я достал трубку, кисет, присел к столу – стол тоже стоял правильно, у окна, за которым тусклое осеннее солнце безуспешно пыталось вскипятить воду фьорда, – и даже не удивился, найдя на столе массивную бронзовую пепельницу, близняшку той, что осталась у меня дома. Вот только моя пепельница была с секретом: нажав на определённые точки определённым образом, можно было сдвинуть двойное дно и увидеть небольшое потайное отделение, где удобно хранить какую-нибудь мелочь вроде записки.

Я нажал – и открылось потайное отделение.

В потайном отделении лежала записка.

Совсем небольшая, всего три слова, даже два с четвертью: «О, бойся Бар...»

Я закурил, выпустил к потолку колечко дыма и стал готовиться к битве с Бармаглотом.

– Надо было назвать гостиницу «Кроличья нора», – заявил я ещё с лестницы, уже привычно уворачиваясь от маятников наиболее нахальных часов. – И кстати, где мой приз?

– Почти готов. Вы когда-нибудь пробовали белый кофе?

– С молоком?

– Нет, просто белый. Точнее, не просто: он у меня ослепительно белый – как зубы красавицы в рекламе зубной пасты!

– Заманчиво... И на вкус он тоже как поцелуй красавицы?

– Даже лучше! Вот, пробуйте – здесь единственное место во вселенной, где его готовят.

– Божественно!

Я сделал первый глоток и расплылся в блаженной улыбке: хороший кофе – моя слабость, я его люблю до неприличия и при этом неплохо готовлю, и зёрна мне присылают самые лучшие; однако напиток в моей чашке был чем-то особенным – не то амброзией, не то нектаром. При этом оставаясь кофе, вне всякого сомнения.

– И что вы сюда добавляете? Детские сны и немножко материнской ласки?

– Почти угадали. И готовлю только под звуки дудочки гамельнского крысолова. Нет уж, секрета я не выдам, но вы почти угадали! Вам вообще удаётся угадывать – вот как вы узнали, что раньше гостиница называлась «Кроличья нора»? Я чуть кофе не уронила, когда услышала!

– Ага, вот и у меня появились секреты! Готов меняться!

– Ну уж нет! Мои секреты старинные, выдержанные в дубовых бочках потерянного времени, настоянные на горьких усмешках прошлых веков. А у вас? Только-только вылупились! И вы их тут же хотите поменять. Нет, пусть пока ходят в секретах. Им полезно!

– Уговорили, не буду меняться. Дам им немного подрасти – и в дубовую бочку... А добавка кофе будет? Или за секретными специями тоже надо ехать в прошлые века?

– Нет, специи у меня заготовлены впрок! Однако предлагаю сначала позавтракать!

– А что у нас сегодня на завтрак, не секрет?

– Тёмная часть ущербного месяца, запечённая в...

Дослушать несекретный рецепт я не успел: с грохотом распахнулась входная дверь, и в холле материализовался пусть и не Бармаглот, но нечто схожее с ним – белое, лохматое, с длинным розовым языком, повадками и обликом напоминающее стихийное бедствие среднего масштаба.

Не прошло и пары секунд – да, впрочем, вообще никакого времени и не прошло – а я уже лежал рядом с хозяйкой, прижатый столом с зеркальной поверхностью и здоровенным белым и лохматым псом, который активно вертел хвостом-пропеллером и, видимо, огорчился, что стол мешает ему облизать меня целиком.

Стол был тяжёл, язык шершав, сломанный стул под моею спиной достаточно угловат – словом, для полного счастья не хватало только музыки. Поэтому, когда часы с присущим им мастерством грянули Сороковую Моцарта, я понял, что день удался так, как давно не удавался.

Голос хозяйки был спокоен и деловит, словно валяться под столом на пару с клиентом, будучи придавленной полутора тоннами меха, для неё обычное дело.

– Как ты думаешь, сможем мы скинуть с себя это чудовище или придётся ждать помощи извне?

Ничто так не сближает, как совместная борьба с неодолимыми препятствиями. Ну, не считая идущего следом за одержанной победой совместного завтрака. Борьба была продолжительной, но закончилась нашей победой, и Бармаглот был изгнан в угол и накормлен. Тёмная часть ущербного месяца, подозрительно напоминавшая шарлотку с неопишимо вкусными яблоками (если это были яблоки), удалась на славу. И если на «ты» мы перешли ещё под столом, то имя хозяйки я узнал уже за завтраком, между шарлоткой и второй порцией умопомрачительного белого кофе. Хозяйку звали Алиса. Естественно, Алиса, а как же ещё?

– Вот ты говоришь: странно. Лет пять назад здесь тоже было странно, однако не настолько – обычная гостиница с закосом под Кэрролла и его «Алису». Всякая муть типа таинственных записок, пузырьков с надписью «Выпей меня», секретных комнат и болванок для шляп. Мне она и досталась только потому, что я тоже Алиса: узнав моё имя, старый хозяин сказал, что жизнь его обрела смысл, и тут же смылся, оставив гостиницу мне. В подарок. Нет, старый хозяин не Кролик, хотя чем-то похож, конечно. Нормальный мужик, звать Макс, не без прибабых, но кто сейчас без? А то, что ты видишь сейчас, – это да, это действительно странно. А было так: сижу я как-то на крылечке и думаю, как мне свести концы с концами, – сам понимаешь, здесь у нас не Мекка туризма, а просить друзей время от времени пожить у меня в гостинице не совсем то, что надо для бизнеса. Впрочем, я их и просила иногда пожить – просто чтобы гостиница не скучала, но без оплаты. То есть ни я им не платила, ни они мне. И вот сижу я на крылечке, рассматриваю упитанного кролика в цилиндре, что бесплатно живёт на вывеске, и вдруг вижу щенка: белый такой, лохматый, хромает себе мимо и на меня искоса поглядывает – типа он такой гордый и ничего просить не станет, хотя жрать хочется так, что аж переночевать негде. Ну что же, думаю, всё равно такой постоялец лучше, чем никакого; посвистела ему – мол, заходи, вытирай лапы и давай начинай отъедаться, а то на твои кости смотреть жёстко. То есть приютила я его, можно сказать, от безысходности. И знаешь, как-то сразу веселее стало, вроде как я при деле уже. Совсем же весело стало дня через три, ближе к вечеру, когда к нему гости пришли – ещё три таких же тощих-лохматых, а с ними, представь, суровая такая дама из коренных народов Севера, сплошь в меху и с трубкой, похоже тоже из меха. Молча вошла, молча прошла на кухню и на кухне тоже чуть ли не целый час молчала. На все мои «здрасьте-чем-могу-помочь» – ноль внимания, фунт презрения. Выкурила две свои

меховые трубки, всё это время не отрывая взгляда от противоположной стены. Я тоже успела эту стену рассмотреть подробно – всё пыталась понять, что в ней такого интересного. А потом повернулась ко мне и хмуро так: «Я Утренняя Заря».

Ну, я слегка так опешила – как-то мало похожа была меховая дама на юную Эос с пурпурными перстами. Вот тут дама ухмыльнулась – мол, что, не похожа? – и сразу стала похожа. А дальше дама выдала монолог, серьёзно расширивший мои знания об окружающем мире – настолько, что я уже к психиатру хотела идти, чтобы он его обратно сузил. Но сдержалась как-то.

«Я Утренняя Заря, – говорит. – Это не индейское погонялово, девочка, это – моя работа, пропади она пропадом! А эти лохматые оболтусы – мои утренние туманы. То есть по утрам они самые что ни на есть туманы. А всё остальное время перебиваются в тех образах, какие им больше нравятся, предпочитая вот эти, лохматые. На днях этот вот разгильдяй Восток покалечил лапу – с ними такого почти не случается, но иногда бывает. Они же любопытные, туманы, везде свой нос суют, где только можно и особенно где нельзя. А когда они поранятся, им главное – покой и жратвы побольше. Впрочем, как и всем, наверное. Так что мы теперь твои должники. А в долгу мы оставаться не любим. Вернее, я не люблю – этим оболтусам всё равно: они считают, что раз они такие замечательные, то это им все должны по жизни. Возможно, они правы, но всё же я – твой должник. И долг будет оплачен. Хочешь мудрого совета?»

Ну ещё бы я не хотела! Вот тогда мы и договорились с Утренней Зарёй, что она составит мне протекцию. Не понимаешь? Гляди, если Заря по утрам работает Зарёй, а всё остальное время как-то перебивается в своём меховом прикиде, то надо же ей где-то есть-спать, ну хотя бы изредка? При этом Заре ещё не так и плохо: ей только сутки перекантоваться, а каково, к примеру, Белой Ночи, у которой по работе вообще вахтовый метод? Ей-то зимой каково? И вообще, при новой картине мира вокруг должно бродить несметное число неприкаянных нечеловеческих душ – от Вечерней, к примеру, Зари вплоть до... Но я ещё не знала, до чего вплоть. Но про Вечернюю угадала правильно.

То есть сначала Утренняя Заря порекомендовала меня своей сменщице, Вечерней. Вот это, доложу я тебе, леди! Практически совершенство, причём без занудства, – редкое сочетание. Потом пошло-поехало.

Так и стала моя гостиница специализироваться на тех, кому не сезон. Летом – бураны, морозы и полярные сияния. Зимой – белые ночи, ливни и грозы. Правда, все они стараются косить под приезжих, то есть большую часть времени люди как люди – так, раз-два в неделю в своём облике, чтобы не отвыкнуть. Есть, конечно, и сложности – и зимний ливень, и летние метели не шибко нравятся моим друзьям, так что я прошу постояльцев гулять подальше от жилья. Но вот полярное сияние в июле – это действительно круто, уж ты мне поверь! Как и белая декабрьская ночь.

– Да я верю, верю! И я даже что-то начинаю понимать.

– А я как раз не очень понимаю одну вещь: слушай, а тебя-то как сюда занесло? Я, честно говоря, слегка обалдела, когда вошёл в гостиницу нормальный человек – не какой-нибудь смерч, прикинувшийся бухгалтером (я уже умею различать, кто людь, кто нелюдь). Нет, нормальный человек. Или я ошибаюсь насчёт нормального?

– Ошибаешься конечно! Ну то есть так-то я человек, наверное, и всегда им был, сколько себя помню. Но на нормального вряд ли тяну, даже если постараться.

– Вот же славно-то как! И что привело не вполне нормального человека во вполне ненормальную гостиницу?

– Да как тебе сказать... Есть у меня один знакомый. Псих, конечно. Говорит всем, что он северный ветер.

– Рыжий такой, вечно в чёрном свитере с оленями?

– Точно... А ты что, его знаешь?

– Немножко. Гостил у меня пару раз в сезон южных ветров. Так что он и впрямь северный ветер, хотя, конечно, и псих.

– Ну вот он и рассказывал про твою гостиницу. Причём хвалил – единственное явление во вселенной, которое он хвалил. Хвалил целиком, вместе с хозяйкой. Ну и как было не поехать и не посмотреть? Хотя, честно говоря, я не очень-то верил – ни в неё, ни в тебя.

– Теперь поверил?

– Тебе честно?

– Ни в коем случае!

– Тогда да, поверил. Хотя и не до конца.

Двери вновь распахнулись, и на пороге возникла запредельно суровая дама, сплошь в расшитых бисером шкурах неведомого мне очень пушистого зверя. Дама молча вошла в гостиницу, но на кухню проходить не стала, а остановилась рядом со мною и довольно долго хмуро меня разглядывала – можно даже сказать, ела глазами.

Как следует объев, произнесла:

– Я Утренняя Заря. Мой плохо воспитанный пёс доставил тебе сегодня много неудобства, поэтому я теперь твой должник. И долг мой будет оплачен. Хочешь мудрого совета?

Ещё бы я не хотел...

Теперь в гостинице «Бывший кролик» есть бармен. Нигде во всей вселенной вам не подадут таких коктейлей, да и неудивительно – и рецептами, и ингредиентами с барменом делятся странные постояльцы этой странной гостиницы. Где ещё вам добавят в бокал с отблесками утренней зари пригоршню сполохов полярного сияния? Где ещё вы сможете отведать туманный пунш, пронизанный первыми лучами весеннего солнца?

Хозяйка гостиницы смеётся и говорит, что с барменом ей повезло: совершенно чокнутый, но обаятельный. Клиентам он нравится.

А недавно выяснилось, что гостиничные часы умеют исполнять марш Мендельсона – и очень проникновенно. Кто бы мог подумать?

Алёна Даль

г. Воронеж

Холсты

На третий день, когда косматое солнце медленно катилось за горизонт, Вика снова увидела художника. Парк опустел. Белёные стволы олив, испепелённые временем и зноем, морщились под неподвижными кронами. Прибой лениво лизал разноцветное галечное монпансье. Кругом ни души. Привычные звуки – щебет птиц, стрекотание цикад – слышались теперь глухо, словно сквозь вязкую толщу воды. Женщина замедлила шаг и стала разглядывать остывающее море, украдкой наблюдая за стариком.

Тот, как всегда, сидел на деревянной скамеечке, отполированной творческими ёрзаниями его тощего зада. Установив этюдник, придирчиво осматривал кисти и мастихины, перекладывал с места на место сморщенные, как стволы олив, тюбики с краской, баночки и тусклые пузырьки. Долго отколупывал ногтем невидимую крошку с палитры и шарил по бездонным карманам синей фланелевой куртки. Его мятая коричневая шляпа лежала возле ног тульей вверх – верный признак того, что он собирался писать для души, а не ради денег. А значит, не будет лубочных приборьев, кипарисов и закатов. Зато у кого-то может перемениться судьба...

Чудаковатого старика-живописца Вика впервые встретила неделю назад в тоннеле, отделяющем шумную Будву от Рафаиловичей. Высокий и костлявый, он шёл размашистым шагом с ветхим этюдником на плече, надвинув на брови широкополую шляпу. Старик появился внезапно и так же внезапно исчез, завернув за угол.

Подруга Рита, у которой гостила Вика, считала, что в жизни нет ничего хуже непредсказуемости. А всё, что касалось художника, от начала и до конца было сплошной непредсказуемостью.

– Держись от него подальше! И не вздумай заказать портрет! – наставляла Рита гостью. – Он может нарисовать всё что угодно – и всё сбудется! Однажды он пририсовал одной моей знакомой чёрный платок, и у неё умер муж, представляешь?! Внезапно... тромбоэмболия... Здоровый, крепкий мужик был!

– Рит, ты правда в это веришь?

– Веришь не веришь... лучше не рисковать, – отрезала подруга и укатила по делам в Тиват.

Черногория дремала на излёте курортного сезона. Лето угасало, обретая акварельную мягкость и чистоту: прозрачная бирюза залива, пепельный камень и приглушённая терракота черепицы. За окном золотились тяжёлые грозди винограда. Перезрелые плоды граната лопались на ветках, обнажая бархатистое нутро с блестящими винными зёрнами.

Жизнь в опустевшем городке текла размеренно и неспешно. Разбирали дощатые настилы, заколачивали бары, паковали зонтики и шезлонги. Катамараны, перевёрнутые брюхом вверх, валялись на песке, как выброшенные штормом железные рыбыны.

Однажды, слоняясь бесцельно по аллеям Милочерского парка, Вика стала свидетельницей любопытной истории. Она спускалась к острову Святого Стефана, когда благодатную тишину утра нарушила грубая брань. Крепкий в плечах мушкарец¹ в линялой майке что-то горячо доказывал группе парней, намереваясь прибегнуть к самому вескому аргументу – паре чугунных кулаков. Был скандалист в подпитии, потен и чем-то страшно раздосадован. Собрались зеваки. С каждой минутой обстановка накалялась.

Но тут произошло нечто необъяснимое. В одно мгновение дебошир вдруг резко обмяк. Он посмотрел кротко и изумлённо в небо, словно силясь что-то вспомнить, потом внимательно оглядел свои руки, поднял оловянный взгляд на парней – будто видел их впервые. Вдохнул глубоко и обречённо, развернулся и зашагал прочь. Парни, пожав плечами, отправились по своим делам. Прохожие разбрелись, и на месте происшествия не осталось никого, кроме Вики... и художника.

Старик сидел чуть поодаль, уткнувшись в картину, не замечая никого и ничего вокруг. Всё, что его интересовало, – это сюжет на холсте. Руки художника двигались скупно и точно, пальцы цепко держали дощечку с бурыми кляксами и узловатую, как продолжение руки, кисть.

Вика подкралась ближе, заглянула в холст и застыла – по песчаной дороге незамысловатого пейзажа удалялась за поворот знакомая фигура в линялой синей майке. Удалялась она ровно в том направлении, куда минуту назад ушла натура. Вот только кто ушёл первым?

Художник резко обернулся – Вика вздрогнула. Глаза у старика были разного цвета: один – угольно-чёрный – сурово упрекал, другой – прозрачно-голубой – насмешливо лучился в паутинке морщин. Пробормотав что-то, женщина ринулась прочь под глухие удары сердца.

Вечером их с Ритой пригласили на рыбный ужин. Хозяйка, сухопарая Ивана, старожила здешних мест, несмотря на почтенный возраст, ходила в шортах, стриглась «под мальчика» и курила сигареты, для здоровья используя мундштук. Она гнала чистейшую как слеза ракию² и фантастически готовила рыбу на углях. К тому же, как и многие сербы её поколения, хорошо знала русский.

– Сегодня возле Святого Стефана я встретила художника – того самого, о ком говорят, будто бы он рисует будущее, – заговорила с ней Вика. – Это правда?

– А ты-то сама что видела? – хозяйка метким щелчком ногтя стряхнула пепел в бронзовую пепельницу.

¹ *Мушкарец (серб.)* – мужчина.

² *Ракия* – традиционный балканский крепкий алкогольный напиток, приготовляемый из различных фруктов.

Пришлось пересказать историю про мужика в майке, как он приставал к прохожим, а потом внезапно ушёл, словно услышав голос сверху. И что она видела его нарисованного на картине старика.

– Ладно, расскажу тебе всё, что знаю, – неохотно согласилась Ивана. – Его зовут Зоран. Болтают, что он цыган, но это выдумки. Он художник, истинный художник. Чаще всего пишет пейзажи, ну и меняет погоду: предсказывает или заказывает – как угодно. Если долго стоит жара – рисует дождь, если штормит – рисует солнце... Бывает, к нему приходят люди – просят устроить ясный день или остановить затянувшийся снегопад, но он никогда не делает этого на заказ, а только если хочет сам... – рассказчица прищурилась, глядя на густую тень граната за окном. – Я знала его жену, Стефану. На старости лет они вдвоём мотались по всей Адриатике. Женили сыновей и стали путешествовать в старом фургоне. Даже дом свой, кажется, продали... – Ивана на минуту умолкла. – Четыре года назад Зоран овдовел и вернулся сюда. Где живёт теперь – никто не знает. Никому ещё не удавалось выследить его. Стоит только пойти следом, как он будто сквозь землю проваливается... – бабуля затушила сигарету и заботливо завернула мундштук в мягкий замшевый чехол.

– А как же сегодняшняя история? На холсте ведь точно был тот скандалист, я сама видела! И ушёл он туда, куда нарисовал художник!

– Ну ушёл и ушёл, – равнодушно пожала плечами Ивана. – Откуда тебе знать, может, Зоран потом его нарисовал? – она соскользнула с табурета, давая понять, что разговор окончен.

И тогда Вика решила провести собственное расследование. План был таков: выследить старика, спрятаться в укромном месте и наблюдать за его работой издали. Своими глазами увидеть весь процесс создания картины от начала до конца. Для этой цели можно приспособить объектив фотоаппарата. По-хорошему нужен бинокль, но где его взять? Зато камера в руках – железное алиби на случай внезапного разоблачения – хожу, мол, любуюсь красотами, снимаю для души.

Надев для конспирации чёрные очки, Вика отправилась вдоль моря в парк.

Справа от неё темнел необитаемый остров Николе – обломок скалы, покрытый чёрным лесом. Ночью дул крепкий ветер. Он мешал спать, завывая дурным голосом сквозь щели неплотно прикрытых ставен. Теперь Вике казалось, что живёт он на этом острове, одинокий и неприкаянный. А когда становится совсем тоскливо, начинает буйнить, взлохмачивая волны, срывая злость на случайных прохожих, как давешний мушкетёр в линялой майке.

Непогода разогнала с пляжа и без того редких купальщиков. Лишь знакомая Вике пара, мать с сыном, прятались от ветра среди камней. Мальчик был болен, что-то нервное, постоянно хныкал и плохо спал. Врачи посоветовали слушать шум прибоя. И мать терпеливо носила его, трёхлетнего, на руках, прижимая к груди, нежно нащёптывая что-то на ушко. Она мужественно претерпевала ежедневную пытку хождения по жёстким камням до залива и обратно. Ночевали они в трейлере, а весь день проводили здесь, на каменистом пляже, среди разошедшихся лежаков, слушая шум прибоя. Сколько раз ни проходила Вика мимо, никогда не видела малыша спокойным или спящим. Но мать всё продолжала и продолжала его баюкать. Её бессменная стоическая вахта длилась сутками напролёт. Вот и сейчас, закутав сына в плед, она улыбалась чему-то и тихо напевала. А мальчик тоненько подвывал, повернув к ней измождённое бледное личико.

Не успела Вика поздороваться, как заметила вдалеке знакомую узловатую фигуру. Художник шёл стремительно, согнувшись под тяжестью своей неизменной ноши – косоногого этюдника и скамейки. Порывы ветра трепали выбившиеся из-под шляпы седые пряди, полы просторной синей куртки взлетали, как крылья ночной птицы. Старик торопился к тоннелю, но, увидев мать с сыном, замедлил шаг. Пошарив глазами, выбрал подходящее место, расто-

пырил гнутые ноги этюдника, вдавил скамейку в гальку. Сел, сложил руки на коленях и впился глазами в морскую даль.

Крадущаяся за ним по пятам Вика оглянулась в поисках наблюдательного пункта. Но её окружали лишь камни в свистящих потоках ветра. На горизонте тревожно клубились тучи. Вика достала фотоаппарат, прищурилась в окошко видоискателя, навела резкость. Старик был неподвижен, слившись с пейзажем. Оставалось только ждать...

Прошло полчаса. Потом ещё час. Или два... Ноги шпионки затекли, спина онемела. Ветер трубил на все лады. Время от времени Вика с надеждой приникала к видоискателю, но ничего не менялось в облике старика, он по-прежнему сидел прямо, вперив взор в тонкую линию горизонта. Ветер крепчал, море волновалось. Мать продолжала баюкать на руках хныкающего сына. Вика – терпеливо сидеть в своём ненадёжном укрытии...

Неизвестно, сколько оборотов успела сделать стрелка, прежде чем наблюдательница увидела старика энергично растирающим краски. Холст был загрунтован и молочно поблёскивал на солнце. На тряпиче у ног художника были разложены разнокалиберные кисти и мастихины.

Размашисто и неукротимо он принялся накладывать краски – слой за слоем, мазок за мазком. Сначала казалось, что беспорядочные цветовые пятна на холсте лишь отражение его мира – сумбурного и хаотичного. Причудливо изогнутые линии, яркие вспышки цвета, нервные штрихи расплзались по полотну, складываясь в неясные очертания. На глазах очертания превращались в узнаваемые образы. И вот – розовый берег и женщина на камне с ребёнком на руках. Тонкое лицо мальчика под кистью живописца наполнилось румянцем и спокойствием, лобик разгладился, глазки закрылись... Тонкие ручки покорно повисли вдоль тела. Малыш заснул... Старик дописывал картину яростно и вдохновенно. Через его руки истекала неведомая энергия, впитанная от неба, ветра и волн. Она пульсировала в чутких пальцах, звенела на кончике кисти и выливалась на холст легко и радостно.

Вика, заворожённая работой художника, не сразу сообразила поглядеть в другую сторону пляжа. Переведя объектив, она обнаружила привычную картину: мать баюкала сына, мальчик горестно всхлипывал. Но постепенно всхлипы малыша становились всё тише и реже. Вот он выгнулся, вздрогнул всем телом и обмяк. Мать нежно поправила прядь на виске сына, прижала его к груди и впервые за много дней облегчённо и устало вздохнула. Её мальчик спал крепким спокойным сном...

Что же художник? Пока Вика с изумлением созерцала результат его работы, он успел собрать пожитки. Выскочив из укрытия, женщина окликнула старика, но рокот волн заглушил её голос. Старик вскинул на плечо этюдник и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

– Ну что, выследила своего предсказателя погоды? – спросила за ужином Рита.

– Знаешь, а он и вправду чудотворец, – задумчиво произнесла Вика, – я своими глазами видела. Помнишь ту женщину с больным ребёнком? Сегодня её сын впервые заснул – после того как старик нарисовал его.

– Что нарисовал? – не поняла Рита.

– Спящего мальчика на пляже. Я следила за ним.

Рита с усмешкой посмотрела на подругу:

– А ты случайно сама там, на пляже, не заснула?

Вика махнула рукой. До отъезда оставалось три дня. И единственное, чего ей хотелось, – это снова найти старика.

Все последующие дни и вечера целиком были посвящены неустанным, но, увы, бесплодным поискам художника. Тщетно бороздила женщина Милочерский парк и прочёсывала окрестные пляжи, как часовой вышагивала по знакомой до каждого камня дороге к острову

Святого Стефана. Напрасно бродила по Будве и заглядывала в лица художников, рассеянных по её подворотням и площадям. Старик как в воду канул.

Как-то раз, совсем отчаявшись, Вика возвращалась домой. Славянский пляж светлел вдалеке, смыкаясь с невидимой кромкой воды. Ветер яростно трепал кроны сосен. У поворота к тоннелю она столкнулась с тем, кого так долго искала. Старый художник медленно брёл навстречу, усталый и замёрзший, изменив привычке вечно торопиться и убегать. Вике стало всё равно, поймёт ли её старик, как отреагирует на чужое любопытство и что скажет в ответ. Она больше не страшилась ни его разноцветных глаз, ни фатального дарования, ни противоречивой молвы, окружавшей странного бродягу.

– Здравствуйте, пан Зоран! – храбро произнесла женщина, поравнявшись с художником. Тот удивлённо вскинул лохматые брови.

– Добро вече!

– Извините, не могли бы вы уделить мне пару минут? Я только хотела спросить...

– Можно, – перебил её художник, извлекая из памяти запылившийся запас русских слов. Они присели на скамейку.

– Вас считают художником-ясновидцем. Вы меняете погоду, предсказываете судьбы, управляете событиями...

– Ну-ну, – прервал её старик, – всё это пустое. Просто я многожил на свете и вижу вещи, другим незаметные, – художник откинулся на спинку скамьи. – Годами я наблюдал за поведением природы, знаю её хитрости и повадки. Говорят, я меняю погоду, но нет, я всего лишь угадываю её.

– Но я своими глазами видела, как вы утихомирили пьяницу возле Стефана, – Вика густо покраснела.

– А-а-а, Здравко... – покачал головой старик. – Да, он часто там буянит. Заблудился совсем парень... но ничего, он не опасен – пошумит-пошумит да и уходит к себе восвояси.

– Что, каждый раз одной и той же дорогой уходит?

– Да, каждый раз.

– Ладно. А как же тогда ребёнок?

Вика была в отчаянии – таинства рассыпались на глазах.

– Какой ребёнок?

– Больной мальчик с турбазы. Ведь это вы его успокоили тогда, на пляже?

– Да что ты, что ты! – замахал руками старик. – Это мать его успокоила. Она очень старалась. И очень желала этого.

– Пан Зоран, я следила за вами. Я видела, что сначала появилась картина, а уж потом мальчик заснул на самом деле.

Художник на минуту задумался.

– Тут нет никакого волшебства. Если тебе хочется считать это чудом – пожалуйста! Но знай, что чудо сотворила та женщина, мать, – своей любовью, терпением и верой... Я же всего лишь твёрдо знал, что так оно и произойдёт. Раньше или позже, но обязательно произойдёт... Да, я нарисовал спящего мальчика, но это просто совпадение.

«Ну что, разобралась? Так тебе и надо! – ругала себя Вика. – Господи, как можно быть такой наивной? Ведь не девочка уже, а всё туда же... Сказку ей подавай... Тайну...»

– А где вы живёте? – спросила она в слабой надежде хоть здесь услышать заминку, различить тень оберегаемого стариком секрета.

– Недалеко отсюда, в Бечичи, – бесхитростно ответил художник. – Мой дом на самом краю улицы, возле часовни.

Всё. Загадок больше не осталось. Лишь детская горечь от прощания с развенчанной сказкой. Что ж, завтра Вика вернётся домой, окунётся в реальность, возвратится к насущным взрослым делам и забудет о придуманной тайне, о старике-волшебнике и глупой своей мечте.

Огорчение Вики отчего-то тронуло старого художника.

– А давайте я вас нарисую, – предложил он.

Позабыв предостережения подруги, Вика согласилась. Старик усадил её спиной к заливу, развернул лицо под лучи уходящего солнца, положил у ног шляпу и взялся за работу.

Вскоре Вика приняла из рук старика холстину в две ладони шириной. Лицо на портрете было таким же грустным, как и в жизни. Никакого превращения. Провела глазами наискось по влажной ещё картине, где помимо неё самой размещались сосны, камни, затухающая солнечная дорожка и одинокий парусник с алеющим в закатном зареве парусом. Женщина автоматически обернулась в сторону моря – никаких парусов в обозримой акватории залива не наблюдалось.

Увы, ждать Грея ей было некогда. На другой день Вика улетела в Москву.

...Вздрагивая в турбулентных потоках неба, приземляясь серебряной птицей на мокрую гладь бетона, бессонно качаясь в люлке ночного поезда, она никак не могла выбросить из головы бесславно развенчанную свою тайну. Наивная картинка с парусами лежала на дне чемодана.

Пора быть взрослей. Осмотрительней. Трезво глядеть на жизнь. Не тратить душевные силы на поиски чудес в окружающей нас совсем не сказочной реальности. Не отсылать писем с мечтами и неуклюжими просьбами в неизвестные дали. Не ждать годами ответа. А лучше сосредоточиться на чём-то земном, простом и понятном...

Дома Вику поджидал конверт. Он резал глаз несообразностью между казённо отпечатанным адресом и пёстрыми марками с видами морской фауны. Торопливо разорвав бумагу, женщина извлекла хрустящий лист, в котором чёрным по белому было написано: «Уважаемая Виктория Сергеевна! Комиссией РГО принято решение о включении Вас в состав международной экспедиции на парусном судне “Алые паруса”. Для обсуждения деталей просим явиться по указанному адресу... не позднее такого-то числа такого-то месяца».

Через полгода, когда их парусник шёл по Адриатике и за бортом проплывали знакомые места – остров Святого Стефана, Милочерский парк, Будва, – Вика напряжённо, до рези в глазах всматривалась в береговую линию через мощный вахтенный бинокль. Она пыталась разглядеть знакомую костлявую фигуру с этюдником, мятую шляпу тульей вверх... Но так никого и не увидела. Ночная стоянка намечалась в Дубровнике, маршрут был расписан по минутам, и она не решилась обратиться к капитану по пустячному своему делу. Может, зря?..

Юрий Егоров

Московская область

Добрые пожелания

1

Случилась эта история давно – в городе Иваново, где я тогда жил с родителями. В начале пятого класса меня за прогулы исключили из пионеров. Просто мне надоело учиться, особенно математике. Никак её не понимал. Вот и придумал устроить перерыв в занятиях. Утром уходил в школу – так, по крайней мере, считали родители. По дороге, чтобы весь день не таскать портфель, прятал его под Минеевским мостом в зарослях репейника и полыни, там, где у третьего трамвая разворот от «Станционной» к стадиону «Текстильщик». Место совершенно тихое, безлюдное. После этого шёл беззаботно гулять по городу. У окружающих мои прогулки не вызвали подозрения: в то время повсеместно школьники учились в две смены. Только к «Станционной», где школа, близко не подходил, чтобы меня кто-нибудь из учителей или учеников случайно не заметил.

Несколько раз издали я видел, как Лёшка Николаев топал на уроки, пиная перед собой портфель по асфальту, и как Юра Леонов, мой закадычный друг, направлялся на уроки со стороны железнодорожного вокзала.

«Правильно, давай поторапливайся, пятёрочки получай по любимому английскому!» – мысленно подгонял я товарища.

Прилежные ребята, они спешили, чтобы заниматься всякой там математикой, а я устремлялся в «Великан» на утренний киносеанс. Он начинался одновременно с занятиями в школе. Денег, что родители давали на обед, хватало для покупки билета, и ещё на сливочное мороженое оставалось. В «Великане» имелось два зала: нижний и верхний. Это в школе никакой

свободы, а здесь можно было что-то выбрать поинтереснее. Жаль только, «Фантомаса» в это время не показывали. Каждый день на него ходил бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.